

Игорь Нарский Наталья Нарская

**«Любить Родину — это не березки целовать!»
За что Сергей Довлатов и Александр Гельман
не любили славословий в адрес «русского дерева»
в позднем СССР¹**

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

inarsky@mail.ru

Нарская Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске.

bredihina_natalya@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена противоречивому отношению части российских граждан к воспеванию «русской березки» в массовой культуре последних десятилетий существования советского государства. Авторы задаются следующими вопросами: чем питалось критическое отношение таких писателей, как Сергей Довлатов и Александр Гельман, к умилению сограждан при виде белостовольного дерева? Насколько широко были распространены оба феномена — любовь к березкам среди населения РСФСР и критическое восприятие этой любви отдельными современниками? Чем можно их объяснить и как описать? Анализируя преимуще-

1 Статья представляет собой переработанный очерк из рукописи книги, которая предположительно увидит свет в издательстве НЛЮ в 2025 году: Нарский И. В., Нарская Н. В. «Без березы не мыслю России». Очерки культурной истории одного национального символа (в печати).

ственно советские художественные тексты и эго-документы, авторы стремятся очертить масштабы и интенсивность, с которыми в позднесоветской российской массовой культуре демонстрировалось преклонение перед «русским деревом». В статье предлагается теоретический инструментарий, который предоставляет адекватный язык для описания любви к «русской березке» и тревоги по поводу ее популярности; сформулирована общая гипотеза о времени и мотивах окончательного превращения березы в «русское дерево». Авторы приходят к выводу, что тенденция к переносу перспективы в сознании советских граждан с будущего на прошлое, с революции на традицию, с интернационализма на национализм, с личности на природу образует контекстуальную содержательную рамку, позволяющую понять природу триумфа березы в качестве «русского дерева» и символа Родины в 1960–1980-е гг. Победа в Великой Отечественной войне, усталость населения от тяжелых испытаний первой половины XX в., консервативный поворот в государственной политике, массовый рост национализма в политической и культурной элите и широких слоях населения обеспечили березе прочную русскую «прописку» и обусловили, с другой стороны, формирование критически-ироничного дискурса вокруг этого процесса.

Ключевые слова: береза, миф, массовая культура, патриотизм, Родина, критический дискурс.

**“Loving Fatherland does not mean kissing Birches”:
Why Sergei Dovlatov and Alexander Gelman
rejected the Glorification of the “Russian Tree”
in the late USSR**

Narskii Igor Vladimirovich, PhD (History), Professor, Perm State University.

inarsky@mail.ru

Narskaya Natalya Vasilyevna, PhD (Sociology), Lecturer, Department of the Air Force Military Training and Research Centre, “Air Force Academy” in Chelyabinsk.

bredihina_natalya@mail.ru

Abstract: The article is deals with the contradictory attitude of some Russian citizens towards the demonstration of love for the “Russian birch” in the mass culture of the last decades of the Soviet state. It raises the following questions. Where does the critical attitude of writers such as Sergei Dovlatov and Alexander Gelman towards the appeasement of fellow citizens at the sight of a white-trunked tree come from? How widespread were both phenomena — the love of the birch among the population of the RSFSR and the critical perception of this love by individual contemporaries? How can they be explained and described? Using mainly Soviet poetry and ego-documents, the authors outline the extent and intensity with which the veneration of the “Russian tree” was expressed in late Soviet Russian mass culture. The article proposes a theoretical toolkit that provides an adequate language to describe the love for the “Russian birch” and the concern for its popularity, and formulates a general hypothesis about the timing and motives for the final transformation of the birch into a “Russian tree”. The authors argue that the victory in the Great Patriotic War, the population's fatigue from hardships of the first half of the 20th century, the conservative turn in state policy and the massive growth of nationalism among the political and cultural elite and the general public in the 1960s to 1980s provided the birch with a solid “Russian home” and conditioned, on the other hand, the emergence of a critical and ironic discourse concerning the process.

Key words: birch, myth, mass culture, patriotism, Motherland, critical discourse.

Я думаю, любовь к березам торжествует за счет любви к человеку.

*С. Довлатов (1977-1978 гг.)*²

У нас в каждой песне — береза.

*М. Агашина (1965-1969 гг.)*³

«**В** шесть мы подъехали к зданию туристской базы. До этого были холмы, река, просторный горизонт с неровной кромкой леса. В общем, русский пейзаж без излишеств. Те обыденные его приметы, которые вызывают необъяснимо горькое чувство.

Это чувство всегда казалось мне подозрительным. Вообще страсть к неодушевленным предметам раздражает меня... (Я мысленно раскрыл записную книжку). Есть что-то ущербное в нумизматах, филателистах, заядлых путешественниках, любителях кактусов и аквариумных рыб. Мне чуждо сонное долготерпение рыбака, безрезультатная немотивированная храбрость альпиниста, горделивая уверенность владельца королевского пуделя...

Говорят, евреи равнодушны к природе. Так звучит один из упреков в адрес еврейской нации. Своей, мол, природы у евреев нет, а к чужой они равнодушны. Что ж, может быть, и так. Очевидно, во мне сказывается примесь еврейской крови...

Короче, не люблю я восторженных созерцателей. И не очень доверяю их восторгам. Я думаю, любовь к березам торжествует за счет любви к человеку. И развивается как суррогат патриотизма...

Я согласен, больную, парализованную мать острее жалеешь и любишь. Однако любоваться ее страданиями, выражать их эстетически — низость»⁴.

2 Довлатов С. Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 180.

3 Агашина М. Растет в Волгограде березка // Антология военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было...»: сборник. М.: Вече, 2014. С. 329.

4 Довлатов С. Заповедник. С. 180.

Автобиографический герой повести «Заповедник» Сергея Довлатова, ленинградский журналист и литератор Борис (Боб) Алиханов, подъезжая к музею-заповеднику А. С. Пушкина «Михайловское», в котором он собирается поработать в летние месяцы экскурсоводом, прислушивается к чувствам, которые испытывает при виде унылого псковского пейзажа. Довлатов в 1976-1977 гг. сам работал экскурсоводом в этом заповеднике и в 1977-1978 гг. написал повесть, впервые изданную в США в 1983 г. Почему Боб Алиханов испытывал беспокойство от горького чувства при виде «русского пейзажа без излишеств»? Что раздражало его в «восторженных созерцателях»? Случайна ли ассоциация любви к березкам с претензиями к еврейскому якобы равнодушию к природе, с бесплодностью собирательства и прочих форм приватной самодеятельности, с лжепатриотизмом и с эстетизацией страданий прикованной к постели матери?

Высказывание Довлатова о природе любви к березке среди позднесоветских россиян — одно из наиболее известных проявлений противоречивого отношения граждан к воспеванию «русской березы» в последние десятилетия существования советского государства. Чем питалось критическое отношение писателя к умилению его сограждан при виде белоствольного дерева? Насколько широко были распространены оба феномена — любовь к березкам среди населения РСФСР и критическое восприятие этой любви современниками? Как их можно описать и объяснить?

Чтобы ответить на эти вопросы, в статье будут предприняты следующие шаги. Мы обратимся к еще одному разоблачительному высказыванию о несводимости патриотизма к почитанию березы — гораздо более резонансному в силу обстоятельств его обнаружения. Затем будет описан теоретический инструментарий, который, на наш взгляд, предоставляет адекватный язык для описания преклонения перед «русской березой» и тревоги по поводу ее популярности. Далее речь пойдет о масштабах и интенсивности, с которыми в позднесоветской российской массовой культуре

демонстрировалось преклонение перед «русским деревом». Этот сюжет будет освещен очень кратко — в силу необъятности материала, его репрезентирующего, преимущественно на примере советских песен 1960–1970-х гг. Наконец, будут приведены примеры многоликости иронично-критического дискурса о любви к березкам и сформулирована гипотеза о времени и мотивах его формирования.

«У меня был преподаватель в техникуме, старый человек, с очень сложной судьбой... он говорил: любить Родину — это не березки целовать! А помогать, поддерживать самых честных, самых преданных людей, когда им бывает трудно! Они — Родина!..»⁵ Эти фразы, созвучные размышлениям Сергея Довлатова о бесплодной любви к березам, родились одновременно с рукописью «Заповедника», в конце 1970-х гг. Но, в отличие от раздумий новоиспеченного михайловского экскурсовода, впервые опубликованных в начале 1980-х гг. за океаном, эту жесткую сентенцию в 1979 г. во всеуслышание произносили с театральных подмостков советские звезды театра и кино первой величины — Андрей Миронов в Театре сатиры, Александр Калягин в МХАТе, а также другие актеры в провинциальных театрах⁶. А годом позже о лож-

5 Гельман А. И. Мы, нижеподписавшиеся. Пьеса в двух действиях. М.: Искусство, 1980. С. 54.

6 См.: Кеслер Е. Всего четыре часа... // Социалистическая индустрия, 27.03.1979. URL: http://kalyagin.theatre.ru/theatre/mi_nigep/983/; Вишневская И. Две премьеры // Вечерняя Москва, 23.04.1979. URL: http://kalyagin.theatre.ru/theatre/mi_nigep/981/; Дубков В. Удовольствие для души? МХАТ в Хабаровске // Молодой дальневосточник (Хабаровск), 23.06.1981. URL: https://web.archive.org/web/20131023112020/http://kalyagin.theatre.ru/theatre/mi_nigep/982/; Островская Г. Страстное слово театра // Красное знамя (Владивосток), 8.07.1981 URL: https://web.archive.org/web/20131023100208/http://kalyagin.theatre.ru/theatre/mi_nigep/977/ (дата обращения — 11.03.2025).

ной и настоящей любви к Родине для многомиллионной аудитории с телеэкрана говорил любимец публики Леонид Куравлев⁷.

Слова о том, что березки и Родина — это не одно и то же, прозвучали в пьесе Александра Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся». Пьеса была написана в 1978 г. и вскоре уже шла в театрах по всей стране. В 1980 г. ее экранизировала в двухсерийном телевизионном фильме Татьяна Лиознова. Театральные постановки и одноименная экранизация стали резонансными событиями в предперестроечные годы, зафиксировав критические настроения в интеллигентской среде, затронувшие и один из неофициальных символов русскости — березу.

Слова о неуместности целования деревьев в качестве проявления любви к своей стране звучат в один из критических моментов пьесы. Главный диспетчер строительно-монтажного управления «Сельхозстрой» Леонид Шиндин в течение четырех часов поездки в поезде всеми способами пытается убедить членов приемной комиссии изменить свое решение и подписать акт приемки хлебозавода, который строило его СМУ. За отказом от подписания акта скрывается бюрократическая интрига с целью выжить начальника СМУ Егорова, честного человека и талантливого инженера. Пытаясь рассказать правду о кознях против Егорова председателю комиссии Юрию Девятову, честному аппаратчику из отставных военных⁸, Шиндин и приводит в качестве последнего аргумента процитированные выше слова своего учителя из московского техникума.

Интересно, что в конце первой серии телефильма «Мы, нижеподписавшиеся» более трех минут звучит песня «Шум берез» Константина Орбеляна на стихи Владимира Лазарева в исполнении Галины Ненашевой. Пассажирка поезда, молодая женщина

7 Х/ф «Мы, нижеподписавшиеся» (1981 г.). URL: <https://yandex.ru/video/preview/16556359099414153680.1:28:36-1:28:55> (дата обращения — 11.03.2025).

8 В постановке Театра сатиры Девятова играл Георгий Менглет, МХАТа — Евгений Евстигнеев, в телевизионном фильме — Юрий Яковлев.

с маленьким ребенком на руках, прибавляет звук радио в коридоре купейного вагона, в котором стоит Леонид Шиндин:

Свет берез...
В моем сердце всегда
Этот свет берез.
Свет берез
По дорогам земным,
Как любовь, пронес,
Как любовь
К нашей доброй земле,
Сквозь порывы гроз...
На ветру
Шум берез слышу.
Шум берез⁹.

В своих купе внимательно и задумчиво, отложив дела, слушают песню и другие герои пьесы — жена Шиндина Алла (Ирина Муравьева), председатель комиссии Девятов (Юрий Яковлев), член комиссии Виолетта Нуйкина (Клара Лучко). Только морально нечистоплотного члена комиссии Геннадия Семенова (Олег Янковский) песня не трогает. Охмелевший от изрядной доли коньяка, он продолжает непослушными руками резать лимон¹⁰.

К моменту выхода фильма песня «Шум берез» была хорошо известна советским любителям отечественной эстрады. Она была написана в 1974 г. и исполнена в финале «Песни-74» Виктором

9 Лазарев В. Шум берез слышу.../муз. К. Орбеляна // К. Орбелян. Сто часов счастья: песни для голоса в сопровождении фортепиано (гитары). М.: Советский композитор, 1990. С. 45. В литературе можно встретить указание, что в этом тексте «для лирического героя шум берез — песня, постоянно сопровождающая его по жизни. Где бы он ни был, эта песня всегда с ним» (Лелеко В.В. Образ березы в советской массовой песне 1960-1980-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 101. С. 337).

10 Х/ф «Мы, нижеподписавшиеся», 1:02:26-1:05:45.

Вуяичем в сопровождении Эстрадно-симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио под управлением дирижера Юрия Силантьева. Отметим: по словам автора музыки Константина Орбеляна, «за то, чтобы эта композиция прозвучала в финале “Песни года”, проголосовала вся Советская Армия и Министерство Обороны СССР»¹¹.

Если бы песня «Шум берез» взяла за живое всех положительных героев фильма после слов Шиндина о фальши любви к березкам, это бы сгладило остроту высказывания, но она предшествует этой сильной сентенции и тем самым еще более усиливает ее. Связь песни о березах и мнения старого преподавателя представляется не случайной. Чтобы понять ее, нам предстоит на время оставить поздний СССР и направиться во Францию середины 1950-х гг.

«Если миф представляет собой деполитизированное слово, то существует по крайней мере один вид слова, который ему противится, — а именно слово, *остающееся* (здесь и далее курсив оригинала. — *Прим. авт.*) политическим. Здесь вновь следует вернуться к различению языка-объекта и метаязыка. Если я — дровосек и мне нужно как-то назвать дерево, которое я рублю, то, независимо от формы моей фразы, я высказываю в ней само дерево, а не высказываюсь *по поводу* него. Стало быть, мой язык — операторный, транзитивно связанный со своим объектом: между деревом и мною нет ничего, кроме моего труда, то есть поступка. Это род политического языка: в нем природа представлена лишь постольку, поскольку я собираюсь ее преобразовать, посредством этого языка *я делаю* предмет; дерево для меня — не образ, а просто смысл моего поступка. Если же я не дровосек, то уже не могу высказывать само дерево, а могу лишь высказываться *о нем*,

11 Лазарев В. Шум берез слышу. С. 45.

по поводу него; уже не язык мой служит орудием для моего дела-дерева, но само дерево, воспеваемое в моем языке, оказывается его орудием. Между мною и деревом остается лишь не прямое, нетранзитивное отношение; дерево более не составляет для меня смысл реальности как человеческого поступка, теперь это *образ-в-моем-распоряжении*; по отношению к реальному языку дровосека я создаю вторичный язык, метаязык, где я буду создавать уже не вещи, а только их имена и который так же относится к языку первичному, как жест к поступку. Этот вторичный язык не всецело мифичен, но это то место, где располагается миф, ибо миф может работать лишь с теми объектами, что уже опосредованы некоторым первичным языком»¹².

Предпринятое в 1954-1956 гг. французским философом и семиотиком Роланом Бартом разоблачение мифа покоится на семиотическом убеждении о двойственности (и вторичности) всех культурных феноменов, основанной на дуализме языка и речи. Культурное явление есть высказывание (речь, или текст), основанное на системе правил (языке, или коде). Каждый артефакт — будь то произведение искусства или научный текст, дорожные знаки или гадание на картах, литературное произведение или мировоззрение — является высказыванием на определенном культурном языке. По такому же принципу, по Барту, строится и миф: он выхолащивает реальность, замещает действительность образом, историю — идеологией, операторный язык — метаязыком. В сборнике статей «Мифологии», из которого взята эта пространная цитата, Барт неоднократно обращается к дереву как наглядному примеру того, каким образом незатейливые культурные манипуляции превращают реальный язык поступка («дело-дерево» дровосека) в метаязык жеста («образ-в-моем-распоряжении»).

- 12 Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. С. 308-309. Мы признательны Паулю Примпсу, который своим исследовательским проектом о мифологизации «бандитских 90-х» в постсоветской России обратил наше внимание на возможность использования концепции «буржуазного мифа» применительно к позднесоветской истории.

Бартова концепция мифа зиждется не только на точке зрения семиотика, но и на симпатиях к марксизму. Левые политические взгляды Барта проявились, помимо прочего, в критике буржуазной природы мифологического языка и противопоставлении ему языка революционного: «Всюду, где человек говорит с целью преобразовать реальность, а не зафиксировать ее в виде образа, всюду, где он связывает язык с изготовлением вещей, — там метаязык вновь становится языком-объектом и миф оказывается невозможен. Вот почему настоящий революционный язык не может быть мифичен»¹³. Чуть позже философ найдет чеканную форму для противопоставления мифа и революции: «Буржуазия маскирует свою буржуазность и тем самым создает миф; революция заявляет о своей революционности и тем самым отменяет миф»¹⁴. По мнению философа, «статистически миф явно на стороне правых»¹⁵. Левые мифы возможны, но они ситуативны, создаются из тактических соображений и не отличаются изобретательностью. Они также могут отражать отход от революционного габитуса: «“Левизна” — не то же самое, что революция. “Левый” миф как раз тогда и возникает, когда революция превращается в “левизну”, начинает маскироваться, скрывать свое имя, создавать себе невинный метаязык и деформироваться в “Природу”»¹⁶.

Миф использует различные техники, в том числе изъятие из истории, тавтологию и констатацию. Лишение предмета, о котором вещает миф, истории приводит к тому, что «в мифе история улетучивается: она, словно идеальный слуга, все приготавливает, приносит, расставляет по местам, а с появлением хозяина бесшумно исчезает; остается лишь пользоваться той или иной красивой вещью, не задумываясь о том, откуда она взялась»¹⁷. Определению предмета из него же самого в тавтологии, как в любом магическом действии,

13 Барт Р. Мифологии. С. 309.

14 Там же.

15 Там же. С. 312.

16 Там же. С. 309-310.

17 Там же. С. 314-315.

по мнению Барта, благоволит авторитарный политический порядок: «подобным образом родители, которых ребенок замучил вопросами “почему”, отвечают “потому что это так” или, еще лучше, “потому что потому”»¹⁸. Наконец, констатация обеспечивает «универсализм, отказ от объяснения, незыблемость мировой иерархии»¹⁹.

В 1970-е гг. песня «Шум берез» была не единственной, посвященной этому дереву²⁰. Всего в те годы в СССР было написано и вышло в эфир около 20 песен о березах. В 1971 г. в художественном фильме «Мировой парень» в исполнении ансамбля «Песняры» прозвучала песня Вениамина Баснера на слова Михаила Матусовского «Березовый сок», сразу же ставшая хитом. Одновременно любители советских шлягеров познакомились с песней «Край березовый», написанной композитором Александром Броневицким и поэтом Ильей Резником для Эдиты Пьехи. В 1976 г. появилось сразу три песни о березах: «Береза белая» (слова Людмилы Овсянниковой, музыка Владимира Шаинского), «Березовые сны» (слова Георгия Фере, музыка Виталия Гевиксмана) и «Уголок России» (слова Екатерины Шевелевой, музыка Владимира Шаинского). Двумя годами позже появился еще один хорошо узнаваемый шлягер «Малиновка», созданный композитором Эдуардом Ханком в соавторстве с поэтом-песенником Анатолием Поперечным. Вот ее припев:

Прошу тебя, в час розовый
Напой тихонько мне,
Как дорог край березовый
В малиновой заре²¹.

18 Там же. С. 316-317.

19 Там же. С. 318.

20 Подробнее см.: Лелеко В.В. Образ березы в советской массовой песне.

21 ВИА «Верасы» — «Малиновка» // Гуру песен. URL: <https://pesni.guru/text/виа-верасы-малиновка> (дата обращения — 11.03.2025).

Эта песня в исполнении белорусского ансамбля «Верасы» в 1980 г. попала в финал конкурса «Песня года».

Кроме того, по радио и телевидению, в пионерских лагерях и домах отдыха, на праздничных концертах и конкурсах самодеятельности, в ресторанах и на танцплощадках звучали и советские песни более давнего происхождения, в которых березы тоже так или иначе фигурировали. Среди них, например, знаменитая детская песня «Наш край» Дмитрия Кабалевского на стихи Антона Пришельца (1952 г.), начинающаяся словами:

То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекой.
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой?!²²

Популярны были также написанная в 1958 г. песня «Березы» (слова Владимира Лазарева, музыка Марка Фрадкина), прозвучавшая в конце фильма Якова Сегеля «Первый день мира» (1959); «Над Канадой» Александра Городницкого (1963 г.), «Растет в Волгограде березка» (между 1965 и 1969 гг.; авторы — поэтесса Маргарита Агашина и композитор Григорий Пономаренко). В 1968 г. на советские телеэкраны вышло два сериала о советских разведчиках, в которых прозвучали песни с березовыми мотивами — «С чего начинается Родина?» Вениамина Баснера на слова Михаила Матусовского и «Я в весеннем лесу...», написанная в 1954 г. Евгением Аграновичем. Хорошо сделанные песни в качестве музыкальных лейтмотивов приключенческих фильмов моментально уходили «в народ», включая подростковый дворовый репертуар. Впрочем, и другие перечисленные песни были хорошо известны. Не в последнюю очередь они запомнились публике благодаря любимым исполнителям, среди которых были Людмила Зыкина и Галина Ненашева, Марк Бернес и Владимир Тро-

22 Пришелец А. Наш край!...// Долматовский Е. А. Рассказы о твоих песнях. М.: Детская литература, 1973. С. 244.

шин, Муслим Магомаев и Лев Лещенко, Александр Городницкий и Михаил Ножкин. Если к тому же учесть, что квартирные радиоточки, как правило, работали с раннего утра до позднего вечера, песни о березах в 1970-е гг. были, что называется, на слуху.

Система образов в этих песнях повторялась и образовывала довольно устойчивый канон. В них береза часто ассоциировалась с женским началом, с невестой, подругой или матерью, нуждающейся в заботе и защите. В песне «Березовые сны», написанной для киноэпопеи «Великая Отечественная», но не вошедшей в фильм, лирический герой восклицает:

Земля моя, я сын твоих берез.
Я землю русскую от недруга сберег,
Я отдал все, чтоб в рощах золотых
Вовек не замолкали соловьи.
Земля моя, я сын твоих берез.
Березки белые от бурь я уберег,
Чтоб вечно снились Родине моей
Березовые сны²³.

В песнях березам приписывались действия, которые очеловечивали их. Березы, например, шумят. Помимо песни «Шум берез» этот образ встречается в песне 1958 г. «Березы»:

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят.
Березы, березы,
Родные березы не спят²⁴.

23 Фере Г. Березовые сны/муз. В. Гевиксмана // Белая береза: Песенник. М.: Сов. композитор, 1982. С. 10-11.

24 Лазарев В. Березы/муз. М. Фрадкина // Спойте, друзья! Вып. 5. М.: Музыка, 1984. С. 30-31.

Кроме того, березы, как и пристало женщинам, плачут. Обилие сока, который береза вырабатывает весной и который издавна собирался и даже заготавливался крестьянами, сформировало образ плачущей березы. Этот образ поддерживается также опущенными ветками березы повислой и соблазнительной рифмой «березы — слезы». В песне «Березовый сок» этот образ рисуется наиболее последовательно:

Лишь только подснежник распустится в срок,
Лишь только приблизятся первые грозы, —
На белых стволах появляется сок,
То плачут березы, то плачут березы.
Как часто, пьянея от светлого дня,
Я брел наугад по весенним протокам,
И родина щедро поила меня
Березовым соком, березовым соком²⁵.

Березы в советских песнях являются объектом ностальгии. О них вспоминают, тоскуя по родине, разведчики и военные, мореплаватели и автогонщики. При этом русские березы, оказывается, принципиально отличаются от своих родственниц на чужбине. Александр Городницкий утверждает:

Над Канадой небо сине,
Меж берез дожди косые...
Хоть похоже на Россию,
Только все же — не Россия²⁶.

Ему вторит поэтесса и журналистка Екатерина Шевелева, автор слов к песне Владимира Шаинского:

- 25 20 строк. Березовый сок. Матусовский Михаил // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2012/08/10/6204> (дата обращения — 11.03.2025).
- 26 Городницкий А. Над Канадой // Официальный сайт Александра Городницкого. URL: <https://gorodnitsky.com/songs/над-канадой/> (дата обращения — 11.03.2025).

Простор небесный сизокрыл, и тишина кругом,
Мне уголок России мил — мой добрый отчий дом.
Стою, не глядя на часы, березкам шлю привет.
Такой задумчивой красы другой на свете нет!²⁷

Береза прочно «приросла» к образу Родины, которая в советских песнях именуется «край березовый», «березовый, милый край», «край березовый, край Есенина», «край березовый, бесконечный край», «земля березовых закатов». Символом России иногда становится не дендрологический объект, а место памяти, «песенное дерево», героиня песни «Во поле березонька стояла»:

С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой березки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растет²⁸.

Если качество стихотворного и музыкального материала в этих песнях порой вызывает сомнения, с количественной характеристикой, предложенной исследовательницей советских шлягеров Верой Лелеко, можно согласиться: «хотя в советской песне, особенно в 1970-е — 1980-е гг., встречаются образы разных деревьев: дуба, клена, ели, сосны, ивы, березы, рябины, тополя, — бесспорным фаворитом по количеству обращений, глубине поэтической и музыкальной разработки образа является береза»²⁹.

Не только песни, но и стихи о березах стали неотъемлемой принадлежностью позднесоветской русскоязычной массовой культуры. Так, челябинские библиографы И. В. и О. В. Беляе-

27 Уголок России (В. Шаинский — Е. Шевелева). URL: https://webkind.ru/text/0174251_7777465p88009364_text_pesni_ugolok-rossii-v-shainskij-e-sheveleva.html (дата обращения — 11.03.2025).

28 Матусовский М. С чего начинается Родина // Марк Бернес в воспоминаниях современников. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 246.

29 Лелеко В. В. Образ березы в советской массовой песне. С. 336.

вы собрали ко Дню России в 2021 г. и существенно дополнили в 2024 г., видимо, самую полную на сегодня антологию стихов о березе. В нее входят более 600 стихотворений и песен о березе для взрослых и детей советских и современных авторов³⁰. Их количество (наверняка неполное, учитывая необозримый поток поэтической продукции о березе 1960-1980-х гг. и первой четверти XXI в.) контрастирует с числом стихотворений о березе русских классиков конца XVIII — начала XX в., которых набралось всего 20 (включая написанные в эмиграции). Преобладающая часть стихов о березе в блоге Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина и библиотек Челябинска была написана и опубликована между серединой 1950-х и 1980-х гг.³¹

Вероятно, «березовая тема» действительно волновала представителей советской культуры в 1950-1980-е гг. Стихи березе в те годы посвящали известные поэты — Самуил Маршак, Александр Твардовский, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко и многие другие. Среди авторов были «западники» и почвенники-«деревенщики», комсомольские функционеры и потенциальные диссиденты, работники карательных органов и жертвы репрессий, антисемиты и евреи, публичные персоны и вынужденные затворники.

Среди тем и образов, которые в позднесоветской массовой культуре ассоциировались с березой, помимо уже отмеченного женского начала (березка как олицетворение солдатки, невесты,

30 См.: ВО!круг книг: Блог Центральной библиотеки им. А.С. Пушкина и библиотек Челябинска. URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/110.html>; <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/55.html>; <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/250-60.html> (дата обращения — 11.03.2025).

31 К сожалению, авторы подборки стихов о березе не отметили на сайте время их написания/издания, но впоследствии помогли нам найти выходные данные большей части публикаций. Среди советских стихов более или менее точно удалось датировать более 300 стихотворений, из которых около трех четвертей было создано (или опубликовано) в годы оттепели и «долгих 1970-х гг.».

матери, жены, медсестры) — «фронтальная березка» как символ стойкости, победы и место памяти о войне, образ малой или большой Родины, ностальгия по ней. Для русскоязычной массовой культуры в позднем СССР характерно усиление ассоциации березы с (древне)русским народом, «национальным характером», «душой». В наиболее радикальных олицетворениях березы и Родины белоствольное дерево могло превратиться в контрольную инстанцию по проверке на преданность:

Испытывает: крепко ли
Я на земле стою
И свой ли я по-прежнему
в березовом краю³².

Между любовью к березам и любовью к Родине мог стоять знак равенства:

И нет на свете ничего красивей!
Мои березы, по приязни к вам
Определяю я любовь к России
И цену самым преданным словам³³.

Интересно, что сами советские поэты — певцы берез явно ощущали, что поток стихов о «русском дереве» достиг в 1950-1980-е гг. беспрецедентных размеров. Иначе невозможно адекватно истолковать появление стихов, в которых их авторы объясняли, почему они (вновь) обращаются к обильно представленной в поэзии березовой теме³⁴. Спектр аргументов здесь ко-

32 Викулов С. Веселая рука... (1957 г.) // URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/250-60.html> (дата обращения — 11.03.2025).

33 Ковалев Д. Мои березы... (1963 г.). Там же.

34 Прокофьев А. Упрекают критики всерьез... (1959 г.) // Там же; Малышев Н. Почему опять о березах... (1964) // Там же; Зайцев М. Баллада о березе... (1970 г.) // Там же; Малышев Н. Опять о березах... (1980 г.) // Там же; Светличный И. Ты ее увидишь — и забьется сердце... (1981 г.) // Там же.

лебался от эмоциональной привязанности к березе и любви к ее красоте до святого долга перед Родиной. Вот как аргументировал, например, возвращение к теме березы ленинградский поэт-любитель Николай Малышев: «Почему опять о березах? Потому, что это — Россия!»³⁵

Итак, березы в 1950-1980-е гг. были везде. Из радиоточек звучали задушевные песни о березах, по телевизору транслировали выступления знаменитого женского ансамбля «Березка», в заводских, сельских и даже тюремных клубах березки стали частым элементом украшения фойе и любительских сцен. Самодеятельные танцовщицы и певицы в 1960-е гг. часто щеголяли в белых с черными пятнами платьях, имитирующих бересту. Березка прописалась в кино на задниках взрослых и детских самодеятельных концертов, начиная домом культуры в «Кубанских казаках» (1949 г.) и (не) заканчивая столичным детским садиком в кинофильме — лидере советского проката 1972 г. «Джентльмены удачи». Березовые мотивы использовались в украшении тканей для платьев и штор, в настенных гравюрах по металлу и дереву, в деколи на посуде и на интерьерных картинах, в ювелирных изделиях и пейзажах из крошки полудрагоценных камней. Поэтические сборники для взрослых и детей украшались иллюстрациями с изображением берез, фотоальбомы о русских композиторах — снимками березовых рощ, исследования творчества Сергея Есенина — обложкой под бересту. В крупных городах позднего СССР прохожие по декору фасада с имитацией бересты узнавали магазины «Березка», а туристов в пешеходных зонах российских городов в последние годы существования СССР осаждали художники, предлагая бесконечные пейзажи с березками. В общем, как без малейшего намека на иронию было сказано в одной из песен о березе, «у нас в каждой песне — береза,/береза — под каждым окном...»³⁶

35 Малышев Н. Почему опять о березах... (1964 г.). Там же; Малышев Н. Опять о березах... (1980 г.) // Там же.

36 Агашина М. Растет в Волгограде березка... URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/250-60.html> (дата обращения — 11.03.2025).

Можем ли мы сказать в этой связи, что критические замечания Сергея Довлатова и Александра Гельмана, приведенные в начале статьи, вызваны тем, что песни о березах звучали из «каждого утюга», обесценивая заверения в любви к родным уголкам и делая эти высказывания приторными? У нас есть основания предполагать, что инфляцией патриотических заявлений мотивы иронических высказываний о любви к березкам не ограничивались. Однако, чтобы выявить их, следует обратиться к общему историческому контексту распространения почитания «русской березки» в позднем СССР.

Каковы мотивы беспрецедентного распространения в советской массовой культуре репрезентаций любви к березке как национальному символу России? Кто инициировал превращение березы в «русское дерево»? Можем ли мы обнаружить здесь конкретных акторов и лоббистов?

Притом что в 1950-1980-е гг., как уже отмечалось, в советском публичном пространстве обращений к образу березы было множество, переломным, как нам представляется, можно считать 1965 г. Он был отмечен тремя принципиальными событиями: празднованием 20-летия победы в Великой Отечественной войне, созданием Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и грандиозным празднованием 70-летия Сергея Есенина. «Именно тогда на обложках популярных журналов появились монастыри; в газетах — статьи о пряниках и прялках, истории о том, как Ротшильда потряс Суздаль; в стихах замелькали находки из словаря Даля: бочаги, криницы, мокреть; вошли в моду Глебы, Кириллы, Иваны; кружным путем через парижский Дом Диора возвратились женские сапоги и шубы; в ресторанах вместо профитролей подавали расстегаи; в центральной печати появились очерки будущего крупнейшего деревенщика Валентина Распутина. В обще-

стве постепенно сменялся культурный код. Если с оттепелью вошли ключевые слова “искренность”, “личность”, “правда”, то теперь опорными стали другие — “родина”, “природа”, “народ”»³⁷.

В книге о советских 1960-х, впервые увидевшей свет в годы перестройки в СССР, талантливые публицисты-эмигранты и современники — тонкие наблюдатели Петр Вайль и Александр Генис³⁸ посвятили повороту этносов советского общества к заботе о национальных идентичностях эссе «Крона и корни. Народ». Основные причины этого явления авторы увидели в разочаровании в цели, которая должна была обеспечивать единство «советского народа», — в построении коммунизма — и в проникновении в оттепельный Советский Союз непривычных артефактов западной культуры³⁹.

Очевидно, в основе механизма, запустившего децентрализованные процессы конструирования образа «русского дерева», был общий поворот к русскости. Советское общество устало от потрясений первой половины XX в. и было воодушевлено победой в Великой Отечественной войне. При этом горечь невосполнимых утрат замещалась изобретенным пространством памятных мест. Масштабными проектами 1960-1970-х гг. стали музеи деревянного зодчества под открытым небом, туристический проект «Золотое кольцо древнерусских городов в Центральной России», звериный стиль Пермской области и другие переоткрытия древней национальной родословной⁴⁰.

- 37 Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 237. О сложных перипетиях реабилитации творчества С. Есенина в 1950-е гг. см.: Кэмрад С. Из крайности в крайность // Рязанский комсомолец. 1956. № 20 (22 июля); Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Исследования, мемуары, выступления. М.: Просвещение, 1967; Блудов Ю. Личность и творчество С. А. Есенина в решениях Рязанского обкома КПСС. URL: esenin.ru, 10.08.2017 (дата обращения — 11.03.2025).
- 38 Лицо, признанное иностранным агентом.
- 39 Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. С. 232-237.
- 40 См.: Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988; Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое

Выборочное изучение артефактов массовой культуры позволяет предположить, что наряду с фронтовиками в распространении и закреплении образа березы как русского национального символа участвовали женщины (самый яркий тому пример — ансамбль «Березка») и национальные меньшинства. Женский и нерусский дискурсы о березе, возможно, были своеобразным орудием слабых, то есть способом подать голос и заявить о лояльности в рамках политического порядка с сильными маскулинными и руссоцентристскими установками. Эта гипотеза, однако, нуждается в дальнейшей проверке.

Найти руководящие и направляющие, программные документы «партии и правительства» о березе как национальном символе России нам не удалось и, видимо, не удастся, потому что «программа» в том и заключалась, чтобы показать — береза была русской всегда⁴¹. По всей видимости, в производстве образа «русской березки» участвовало множество игроков, из которых самыми заметными были деятели культуры и потребители их про-

литературное обозрение, 2022. С. 120-167; Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. Мы признательны Е.М. Болтуновой, Г.С. Егоровой, М.В. Ромашовой за информацию об изобретении прошлого и мест памяти в СССР 1960-х гг.

- 41 Характерно, что советская цензура могла критиковать поэтическую моду на березовую тему за аполитичность и безыдейность. Так, при проверке ленинградского альманаха «День поэзии» за 1962 г. ежегоднику была предъявлена следующая претензия: «Серьезным недостатком произведений сегодняшних поэтов, издаваемых “Советским писателем”... является чисто описательный характер, зарисовки с натуры, камерность тем. Сюжетных произведений выходит очень мало. В основном поэты пишут о весне, о ручейках, о березках, о распустившихся цветочках, о первой травке, о дожде, тумане, журавлях и т.д.». Показательно, что березка в цензурной критике камерности поэтических произведений не выделена из общего ряда природных объектов поэтизации вроде ручейков, первой травки и цветочков. Цит. по: Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991. СПб.: Академический проект, 2005. С. 141.

дукции. Государство этой игре не препятствовало и даже не выступало арбитром, поддерживая мягкими способами, прежде всего культурной политикой — финансированием «очагов» культуры и образования, организаций литераторов и художников, издательской деятельностью, заказом кинопродукции и т. д.⁴² Любовь к березке была для политического режима полезной, поскольку создавала видимость естественного характера существующего порядка и тем самым легитимировала его. Возможно, и сами российские чиновники со временем начинали проявлять трепетное отношение к родному пейзажу, не задумываясь о природе этого трепета.

Если в отношении демонстрации любви к «русской березе» в позднесоветской русскоязычной культуре можно говорить о массовом явлении, то о популярности критики этого феномена говорить сложно. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что критический дискурс в отношении «русского дерева» имел скорее пунктирный характер, нестабильные каналы и немногочисленных носителей.

Приведенные выше размышления Ролана Барта о природе буржуазного мифа предоставляют — пусть на уровне гипотезы — язык для объяснения того, что могло принципиально раздражать часть российской интеллигенции в потоке признаний в любви к бе-

42 Подробнее о позднесоветской культурной политике и дипломатии см.: Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970-1985 гг. М.: АИРО-XX, 1997; Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970 гг. М.: АИРО-XX, 1999; Белошапка Н.В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2012; Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны: 1945-1989: Коллективная монография/научн. ред. О.С. Нагорная. М.: РОСС-ПЭН, 2018; Гершзон М. Оттепель. Министерство культуры СССР в 1953-1963 гг. М.: Модест Колеров, 2024.

резкам в позднем СССР. Возможно, дети войны Александр Гельман и Сергей Довлатов (1933 и 1941 гг. рождения) интуитивно разделяли опасение левого интеллектуала Барта, что «в каждом мифе может содержаться своя история и география, причем одна из них является знаком другой — миф тем больше созревает, чем шире распространяется»⁴³. Быть может, бывшие шестидесятники, они испытывали беспокойство по поводу интенсивности обращения к березе в качестве образа России. Замену деятельной ответственности за судьбы страны умильным жестом и ритуалом можно было, подобно Барту, описать и в более ясных левых политических категориях и интерпретировать как буржуазное перерождение: «Угнетенный *делает* мир, и у него есть лишь активно-транзитивный, политический язык; угнетатель же охраняет устои, и его слово всеобъемлюще, нетранзитивно, носит характер театрального жеста — это и есть Миф; у одного язык нацелен на преобразование, у другого на увековечение»⁴⁴.

В российско-советском литературном дискурсе 1950–1970-х гг. можно обнаружить пунктирно выраженную тенденцию некоторого недоверия к славословиям в адрес березы. Так, Михаил Исаковский в 1959 г. подверг критике стихи Алексея Маркова за неубедительность образов и слабое владение языком. Помимо прочего, досталось поэту и за абсурдную, по мнению Исаковского, эксплуатацию «русскости» березы: «Разумеется, береза весьма характерна для русского пейзажа. Но она широко распространена и во многих других странах мира. Поэтому, опять-таки, утверждать, что “родиной берез” является Россия, значит говорить неправду... На самом деле, если бы он вместо слова “родина” поставил слово “страна”, то было бы уже гораздо лучше, точнее. Россию вполне можно назвать “страной (а не родиной) берез”, ибо березы у нас много и это характерно для России»⁴⁵.

43 Барт Р. Мифологии. С. 312.

44 Там же.

45 Исаковский М. Об этом надо сказать решительно и прямо. Заметки о некоторых стихах Алексея Маркова // Литературная газета. 1959. 4 июля. С. 2.

Сам Алексей Марков — ветеран Великой Отечественной войны и противник ввода советских войск в Чехословакию — почти через четверть века после прозвучавшей в его адрес критики со стороны старшего коллеги по цеху писал:

Нет проку, милый, от того,
Что льешь в восторге бурном слезы:
“Не знаю краше ничего,
Чем наши русские березы!”⁴⁶

Марков призывал заменить слова природоохранными делами. В 1969 г. башкирский и татарский поэт, участник войны, в недавнем прошлом глава Башкирской организации Союза писателей СССР (1962–1968) Назар Наджми (Хабибназар Назмутдинов) опубликовал (в переводе Якова Козловского) написанное в 1965 г., в самый разгар славословий в адрес «русской березки» в связи с 70-летием Сергея Есенина, большое программное стихотворение «Березы» с критикой попыток «национализировать» это дерево. В нем есть и такие строки:

Вы трепетны и белокожи
И так пленительно стройны,
Что вправду на невест похожи
Башкирской нашей стороны.

Сравнил бы с ними вас, но это
Не вправе сделать я, коль вы
В сквозных платках того же цвета
Стоите около Москвы.

На польских шепчетесь просторах,
Лесам и рощицам верны.

46 Марков А. Я. Нет, проку, милый от того (1982 г.) // Марков А. Я. Избранные произведения: в 2 т. Т.1. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1984. С. 545.

И в Кольских голубых озерах,
Как в зеркалах, отражены.

Порой белы, порой белесы,
Над полем, шляхом иль рекой,
Великодушные березы,
Какой вы нации? Какой?

Да никакой.
Ведь вы — деревья
И радовать должны сердца
Тем, что чужды высокомерья
И не меняете лица⁴⁷.

Самый, насколько нам известно, радикальный программ-
ный поэтический протест против чрезмерной эксплуатации обра-
за березы в советско-российской лирике сформулировал в конце
1970-х г. самостоятельный поэт Владимир Павлинов:

Береза, ты молчишь, скорбя.
Качаешь головой зеленой.
Ну и заездили тебя
есенинские эпигоны!

Неужто в наши дни, скажи нам,
Свет на тебе сошелся клином?
За наши сборники берусь:
«Береза — Русь», «береза — Русь»!

В березе ли вся мира боль?
И есть ли смысл в неглавной боли?
Не слышим радио мы, что ли?
Газет не покупаем, что ль?

47 Наджми Н. Березы... (пер. Я. Козловского, 1965 г.) // Поэты Урала. Анто-
логия: в 2 т. Т. 2. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство,
1976. С. 42.

Мы — благодущны и тверезы.
А век-то физика творит!
Какие, к черту, тут березы?
Земля и рвется, и горит!

Напалм. Землетрясенье. Сель.
Нужда ли — жизнь клевать по крохе?
Осмыслить душу, суть эпохи —
не наша ли, поэты, цель?⁴⁸

Интонации Павлинова созвучны высказанной в те же годы Александром Гельманом и Сергеем Довлатовым критике замещения в позднесоветской России любви к людям любовью к березке.

Еще злее были высказывания, ходившие среди жителей СССР в 1980-е гг. Тогда в ряде провинциальных регионов РСФСР были введены талоны на важнейшие продукты питания — мясо, масло, колбасные изделия, сахар. Полки продуктовых магазинов стали пустеть, и в какой-то момент на них остались только трехлитровые банки с березовым соком. Слова популярной песни в исполнении «Песняров» вдруг зазвучали совсем иначе, вызывая недобрый смех: «И родина щедро поила меня/Березовым соком, березовым соком»⁴⁹. Активизация в тот период черного рынка дефицитных товаров из сети магазинов «Березка» незамедлительно сказалась на городском фольклоре. «Березками» жители столиц окрестили валютных проституток, которые валюту, полученную от клиентов, реализовывали в магазинах, недоступных рядовым советским гражданам⁵⁰.

В целом с конца 1970-х гг. неуважительные высказывания о березах оказались вполне возможными. В экранизации пьесы

48 Павлинов В. Лирики (1980 г.) // День поэзии. 1980. М.: Советский писатель, 1980. С. 49.

49 20 строк. Березовый сок. Матусовский Михаил.

50 См.: Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С 175-176.

Е. Шварца «Обыкновенное чудо» (режиссер Марк Захаров, 1978 г.) всеобщий любимец Андрей Миронов на многомиллионную советскую аудиторию объявлял березу «тупицей», а не менее популярный Евгений Леонов в фильме Эльдара Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово» (сценарий Георгия Горина и Эльдара Рязанова, 1980 г.) характеризовал березу как «дерево легкомысленное»⁵¹.

Итак, Гельман в пьесе «Мы, нижеподписавшиеся...» противопоставил восторженному почитанию природного явления как иносказательному символу пустоты и прекраснотушния активную помощь честным, преданным своему делу людям в трудную для них минуту. Довлатов поступил так же, настаивая на деятельной любви и сострадании к Родине, оказавшейся в положении увечной матери, вместо поэтизации ее страданий из перспективы «восторженных созерцателей». Его нелюбовь к нумизматам и прочим собирателям и любителям различных непродуктивных хобби типологически близка к критике буржуазного общества потребления в диссертации Ж. Бодрийяра⁵², защищенной в Париже в 1967 г. в диссертационном комитете, в состав которого, кстати, входил и Ролан Барт. Кроме того, любовь к березкам, пышным цветом расцветшую в позднем СССР, Довлатов ассоциировал с антисемитизмом — оборотной стороной и неотъемлемой составляющей официозного позднесоветского патриотизма⁵³.

51 X/ф «Обыкновенное чудо» (1978 г.), URL: <https://www.mosfilm.ru/cinema/films/obyknovennoe-chudo/>, 37:23 (дата обращения — 11.03.2025); х/ф «О бедном гусаре замолвите слово» (1980 г.), URL: <https://www.mosfilm.ru/cinema/films/o-bednom-gusare-zamolvite-slovo/>, 44:50 (дата обращения — 11.03.2025).

52 Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.

53 Подробнее об этом см.: Митрохин Н. (лицо, признанное иностранным агентом). Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М: Новое литературное обозрение 2003; Соловей Т., Соловей В. (лицо, признанное иностранным агентом). Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Фео-рия, 2009; Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

Как мы видим, Сергея Довлатова и Александра Гельмана беспокоили не природные объекты и связанные с ними ассоциации — женское начало или память о войне, — а использование образов для оправдания безответственности и равнодушия, для идеологических манипуляций и сохранения неизменного порядка вещей с помощью придания ему черт естественности и вечности.

Тенденция к переносу перспективы в сознании советских граждан с будущего на прошлое, с революции на традицию, с интернационализма на национализм, с личности на природу образует контекстуальную содержательную рамку, позволяющую понять природу триумфа березы в качестве «русского дерева» и символа Родины в 1960-1980-е гг. Победа в Великой Отечественной войне, усталость населения от тяжелых испытаний первой половины XX в., консервативный поворот в государственной политике, массовый рост национализма в политической и культурной элите и широких слоях населения обеспечили березе прочную «русскую прописку» и обусловили формирование критически-ироничного дискурса вокруг этого процесса.

Литература

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
2. Белошапка Н. В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2012. 320 с.
3. Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991. СПб.: Академический проект, 2005. 296 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 168 с.
5. Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.

6. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
7. Гершзон М. Оттепель. Министерство культуры СССР в 1953–1963 гг. М.: Модест Колеров, 2024. 224 с.
8. Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.
9. Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
10. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М.: АИРО-XX, 1997. 316 с.
11. Лелеко В.В. Образ березы в советской массовой песне 1960–1980-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №. 101. С. 335–339.
12. Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М: Новое литературное обозрение 2003. 624 с.
13. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988. 187 с.
14. Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны: 1945–1989: Коллективная монография/научн. ред. О.С. Нагорная. М.: РОССПЭН, 2018. 446 с.
15. Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 434 с.
16. Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953–1970 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 311 с.
17. Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. 364 p.

References

1. Baudrillard, J. (2001) *Sistema veshchey* [*The System of Objects*]. Moscow: Rudomino.

2. Barthes, R. (2008) *Mifologii [Mythologies]*. Moscow: Akademicheskiiy proyekt.
3. Beloshapka, N. V. (2012) *Gosudarstvo i kul'tura v SSSR ot Khrushcheva do Gorbacheva [State and Culture in the USSR: from Khrushchev to Gorbachev]*. Izhevsk, Publishing House "Udmurtskiy universitet".
4. Blyum, A. V. (2005) *Kak eto delalos' v Leningrade. Tsenzura v gody ottepli, zastoya i perestroyki. 1953-1991 [How it was done in Leningrad. Censorship in the years of Thaw, Stagnation and Perestroika. 1953-1991]*. St. Petersburg: Akademicheskiiy proyekt.
5. Boltunova, Ye. M., Yegorova, G. S. (2022) *Territoriya i istoriya: pozdnesovetskiye prouekty "Goroda-geroi" i "Zolotoye kol'tso" [Territory and History: Late Soviet Hero-Cities and Golden Ring Projects]*. Moscow: Kuchkovo pole.
6. Brudny Y. (1998) *Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
7. Eggling, W. (1999) *Politika i kul'tura pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953-1970 gg. [Politics and Culture under Khrushchev and Brezhnev. 1953-1970]*. Moscow: AIRO-XX.
8. Gershzon, M. (2024) *Ottepel'. Ministerstvo kul'tury SSSR v 1953-1963 gg. [Thaw. Ministry of Culture of the USSR in 1953-1963]*, Moscow: Modest Kolerov.
9. Golubev, A. (2022) *Veshchnaya zhizn': material'nost' pozdnego sotsializma [The Things of Life: Materiality of late Soviet Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye.
10. Ivanova, A. (2017) *Magaziny "Beryozka": paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR [Berezka Shops: Paradoxes of Consumption in the late USSR]*. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye.
11. Kretschmar, D. (1997) *Politika i kul'tura pri Brezhneve, Andropove i Chernenko. 1970-1985 gg. [Politics and Culture under Brezhnev, Andropov and Chernenko. 1970-1985]*. Moscow: AIRO-XX.
12. Leleko, V. V. (2009) "Obraz beryozy v sovetskoy massovoy pesne 1960-1980-kh godov" ["The Image of the Birch Tree in the

Soviet Mass Song of the 1960s — 1980s”], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 101, pp. 335-339.

13. Mitrokhin, N. (2003) *Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953-1985 gody* [*Russian Party: Russian Nationalist Movement in the USSR. 1953-1985*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

14. Nagornaya, O. S. et al. (2018) *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v gody Kholodnoy voyny: 1945-1989* [*Soviet Cultural Diplomacy during the Cold War: 1945-1989*]. Moscow: ROSSPEN.

15. Oborin, V. A, Chagin, G. N. (1988) *Chudskiye drevnosti Refeya: Permskiy zveriny stil'* [*Chud' Antiquities of the Rifei: Permian Animal Style*]. Perm': Permskoye knizhnoye izdatel'stvo.

16. Solovey, T., Solovey, V. (2009) *Nesostoyavshayasya revolyutsiya: Istoricheskie smysly russkogo natsionalizma* [*The Failed Revolution: Historical Meanings of Russian Nationalism*]. Moscow: Feoriya.

17. Wayl', P., Genis, A. (1998) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [*1960s. The World of the Soviet Man*]. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye.